

На правах рукописи

**КОСТОГРЫЗОВА
Любовь Юрьевна**

**ЭВОЛЮЦИЯ
ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ИМПЕРАТОРОВ
IV – начала X вв.**

Специальность 12.00.01 – теория и история права
и государства; история учений о праве и государстве

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Екатеринбург 2007

Работа выполнена на кафедре истории государства и права государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральская государственная юридическая академия»

Научный руководитель доктор юридических наук, профессор
Игнатенко Аргира Валериановна

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, доцент
Евсеевко Тимур Петрович,
кандидат юридических наук, доцент
Перфильев Владимир Владимирович

Ведущая организация: государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный университет»

Защита состоится 14 ноября 2007 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д.212.282.01 при Уральской государственной юридической академии по адресу: 620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, Д. 21, зал заседаний Ученого совета (ауд. 213)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уральской государственной юридической академии

Автореферат разослан «___» _____ 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

В. И. Леушин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Проблема взаимоотношений политической власти и религии, правителей и жречества, государства и церкви имеет очень глубокие корни, очень сложна и многовариантна. На протяжении столетий мыслители пытались найти её оптимальное решение, рисовали различные схемы взаимодействия светской и духовной власти. Каждое государство стремится найти такую модель отношений с религиозными институтами, которая учитывала бы специфику исторического развития того и другого, традиционализм, особенности менталитета населения, и которая устраивала бы все стороны в процессе дальнейшего взаимодействия

В последнее время проблема сосуществования государства и церкви привлекает к себе внимание широкого круга российских учёных: юристов, историков, политологов, культурологов, философов и других. Этот интерес связан, в первую очередь, с переосмыслением взглядов на религию, на вопросы веры. С одной стороны, это является следствием кризиса идеологии в современной России, с другой – стремлением вернуться к исконным российским традициям. Вместе с этим меняется отношение государства к носителям религии, к их структурообразующим институтам. С конца 1980-х годов, с тысячелетия крещения Руси (1988 г.) начался новый этап государственно-церковных отношений. Роль русской православной церкви в жизни общества становится заметнее, и она стремится влиять на деятельность светского государства. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение дореволюционного опыта взаимодействия государства и церкви. Но и церковно-государственные отношения до 1917 г., по мнению многих публицистов, не являются идеалом, и тогда вспоминают, что Русь, приняв христианство из Византии, унаследовала нормы церковно-государственного сосуществования, сложившиеся там.

Уникальность Византии состоит в том, что за сравнительно небольшой в исторической перспективе отрезок времени государство смогло, пройдя через различные модели взаимодействия с христианской церковью, найти тот идеал, который пытались воплотить на практике не только сами византийцы, но и народы, принявшие от них православную культуру. Какие существуют модели взаимоотношений церкви и

государства? Какую из них предпочла Византия? Оставались ли церковно-государственные отношения неизменными? Какими нормами они регулировались? В настоящем исследовании церковно-государственные отношения рассматриваются через аналитический обзор законодательства императоров, поскольку, только выяснив причины появления тех или иных законов, можно получить целостное представление об эволюции отношений государства и церкви в Византийской империи.

Цели исследования:

Главная цель исследования – рассмотреть эволюцию церковно-государственных отношений в Византии на основе законодательства императоров и проследить основные направления политики императоров в отношении церкви, также необходимо выявить концептуальную основу отношений церкви и государства, охарактеризовать реализацию этой концепции на практике и показать закономерности в церковной политике византийских императоров. Наконец, следует установить связь церковной политики правителей с внутренней и внешней политикой Византийской империи,

Для достижения поставленных целей предстоит решить следующие ***задачи:***

1. провести комплексный системный анализ церковного законодательства византийских императоров, правивших в IV–X вв.;
2. определить место церковного законодательства императоров в византийской правовой системе в целом;
3. на основе анализа причинно-следственных связей показать политические и социально-экономические факторы, явившиеся предпосылками принятия византийскими императорами тех или иных законов, относящихся к церкви;
4. определить основные этапы эволюции церковного законодательства византийских императоров, для чего следует проследить развитие церковного законодательства с IV по X вв.
5. проанализировать концепцию симфонии церковной и светской власти, сформулированную императором Юстинианом, раскрыть причины её появления и проследить историческую практику её реализации

6. выявить воздействие церковной политики византийских императоров на внутреннюю и внешнюю политику государства, показать её влияние на развитие права других государств.

Объектом диссертационного исследования являются взаимоотношения государства и церкви в Византии в течение IV – начала X вв., которые не были стабильными, а претерпели существенную эволюцию от полного непризнания христианской церкви в Римской империи через предоставление ей определённых льгот и привилегий до признания её, как самостоятельного института с закреплением за ней ответственности за духовную сферу жизни граждан Византийской империи.

В качестве **предмета** данного исследования взяты законы византийских императоров, имеющие отношение к вопросам религии вообще и к церковной организации в частности. Некоторые из этих законов вошли в систематизированные своды, составив там особые разделы. Другие известны только из их упоминания современниками. Кроме того, предметом работы является та концепция государственно-церковных отношений, сложившаяся в Византии, причины, своеобразие и реализация которой на практике также представляют интерес.

Хронологические рамки исследования Данное исследование охватывает в истории Византии период с IV века до начала X века. Этот временной отрезок взят, во-первых, потому, что с IV века традиционно начинается история Восточно-Римской империи (Византии), когда столица была перенесена в Константинополь, во-вторых, Константин Великий (306–337) заложил первый камень в фундамент будущего здания государственно-церковных отношений, выбрав христианство в качестве консолидирующей идеологии. Само здание строилось уже его преемниками, и основная заслуга в этом строительстве принадлежала императору Юстиниану (533–565), разработавшему концепцию симфонии, как теоретическую основу отношений государства с церковью, и придавшему этой концепции законодательную форму. Наконец, завершением постройки и её «декоративным оформлением» занимались императоры Василий I (867–886) и Лев VI (886–912) – авторы последних официально изданных сборников законов («Исагога» и «Василики»), в которых были чётко разграничены сферы полномочий как светской, так и церковной власти, установлена компетенция императора и

патриарха, и ясно очерчены контуры взаимоотношений этих властей, исходя из концепции симфонии.

Методологическая основа исследования

Поскольку для изучения проблем, так или иначе связанных с духовной составляющей жизни общества, вопрос о выборе основной методологии исследования представляет особую сложность, в работе предпринята попытка сочетать *формационный и цивилизационный подходы*, так как формационный подход позволяет определить структуру общества на определенном этапе истории, выявить объективные факторы его существования и изучить основные тенденции их влияния на исторический процесс. Цивилизационный подход позволяет акцентировать внимание на духовной сфере общества, на субъективных факторах его существования и увидеть насколько объективные тенденции соответствовали реальному ходу истории. Так, проследив в церковном законодательстве византийских императоров этапы в развитии церковно-государственных отношений, на практике замечаем отступление от той или иной модели этих отношений вследствие как объективных (внешняя и внутренняя политика), так и субъективных (желание василевса всецело властвовать в империи) причин.

Кроме того, в работе использовались как *общенаучные методы: системный*, позволивший раскрыть взаимоотношения государства и церкви именно как систему, сложившуюся и функционирующую по определённым законам; *сравнительный*, выявляющий изменения в тех или иных институтах; *метод анализа и синтеза, исторической реконструкции, аналогии* и др.; так и *частнонаучные методы: формально-юридический*, помогающий оценить законы византийских императоров не только как исторические документы, но и как юридические источники определённой формы и содержания, использующие средства и правила юридической техники соответствующего исторического уровня развития; *сравнительно-правовой*, позволивший рассматривать императорские конституции с позиций уровня развития юридической техники; *метод государственного и правового моделирования*, с помощью которого на основе современных знаний о различных типах отношений государства и церкви можно выявить модель этих отношений в интересующий нас исторический период. Кроме того, были привлечены *специальные исторические и историко-правовые методы*

фронтального исследования источников, типизации, ретроспекции, исторического моделирования.

По методологическим основам данное исследование является историко-правовым, соответствующим предметной области истории государства и права.

Нормативно-правовую базу исследования составляют, в первую очередь, собственно законодательные акты императоров, которые содержатся в Кодексе Феодосия, Своде гражданского права императора Юстиниана, «Эклоге», «Эпанагоге» («Исагоге»), «Василиках». Кодекс Феодосия был составлен в правление Феодосия II Младшего (408–450). Работа по его созданию началась в 435 году и завершилась в феврале 438 года. 15 февраля 438 года Кодекс вступил в силу в Восточной Римской империи, а с 1 января 439 года – во всей империи. Кодекс состоит из 16-ти книг (*libri*). Уникальность Кодексу придает шестнадцатая книга: «Об универсальной или католической церкви». Здесь вопросы религии являются основными, они впервые сознательно отделены от других и составляют целый комплекс правовых норм – религиозных по своему характеру и содержанию, при этом, все они связаны с организацией и деятельностью одной религии и одного религиозного объединения: христианской религии и христианской церкви. Кодекс написан на латыни. В настоящее время его перевод на русский язык отсутствует. В исследованиях переведены только отдельные законы, затрагивающие узкие темы. В данной работе использованы переводы П. Астапенко, М. Казакова, И. Мейендорфа, Ф. Успенского и др. Некоторые извлечения из Кодекса даны в переводе автора исследования.

Масштабная кодификация права была проведена Юстинианом I (527–565). В *Corpus Juris Civilis* церковным вопросам посвящены первые 13 титулов первой книги Кодекса (*Codex*) – собрания императорских конституций, начиная с постановлений императора Адриана (II век С.6.23.1) и до Юстиниана (С.1.4.33 изданы 4.11.534). Первая из 12 книг Кодекса относится к церковному праву и правам и обязанностям государственных служащих. Первые 13 титулов первой книги содержат в себе исключительно церковное законодательство. Названия титулов говорят сами за себя: 1) о высшей Троице, 2) о церквях 3) о епископах, клириках и их привилегиях, 4) о судебной власти епископов, 5) о еретиках, манихеях и самаритянах, 6) о неповторимости крещения, 7) о

безбожниках, 8) о запрете изображений Христа, 9) об иудеях 10) о запрете иметь еретику или язычнику в собственности христианина 11) о языческих святынях и святилищах, 12) о поиске убежища в церквях, 13) об отпущении в церквях на волю (об освобождении рабов в церквях)¹.

Значительная часть Новелл (Novellae) – четвертой части *Corpus Juris Civilis* – конституций Юстиниана 535–565 гг. также содержит сведения о церковном праве, церковной администрации, церковных и монастырских имуществах.

Постановления Вселенских и некоторых поместных церковных соборов также составляют нормативную базу данного исследования. Традиционно признаётся, что каноническое право представляет собой закрытый свод правил (канонов), состоящий из правил Святых Апостолов, тринадцати Святых Отцов, определений шести Вселенских (пятый Вселенский Собор никаких канонических определений не оставил) и десяти Поместных соборов. К настоящему периоду относятся все семь общепризнанных вселенских соборов, а именно: Никейский первый (325 г.), Константинопольский первый (381 г.), Эфесский (431 г.), Халкидонский (451 г.), Константинопольский второй (553 г.), Константинопольский третий (680 г.), Никейский второй (787 г.).

Поскольку не все императорские законы, относящиеся к церкви, присутствуют в указанных Кодексах, о содержании некоторых из них можно узнать только из книг, написанных авторами – современниками той эпохи, и посвящённых либо собственно церковной истории (Евсевий Памфил, Евагрий Схоластик, Сократ Схоластик), либо описанию событий, свидетелями которых они являлись (Аммиан Марцеллин, Прокопий Кесарийский, Феофан). Первым церковным историком греческой церкви был Евсевий, епископ Кесарийский в Палестине. Славу отца церковной истории ему принёс труд «Церковная история» в десяти книгах, дополнением к которой служит сочинение о жизни царя Константина Великого. Эти произведения охватывают период от Рождества Христова (I в. н. э.) до смерти Константина I (337 г.) и составляют первый подробный обзор христианской истории. Продолжением труда Евсевия стала «Церковная история» Сократа Схоластика, который в семи книгах излагает историю церкви с 306 г. до 439 года. Наконец, сочинение Евагрия Схоластика состоит из

¹ *Corpus Juris Civilis*. V. 2. *Codex Justinianus*. Berolini. 1880. S. XXIII (5–67).

шести книг и охватывает период с 431 до 594 года. Все указанные сочинения содержат упоминания императорских законов, имеющих непосредственное отношение к церкви, следовательно, представляют интерес для рассмотрения темы эволюции церковно-государственных отношений.

Говоря о **разработке данной темы в науке**, следует отметить, что большой вклад в изучение церковно-государственных отношений в Византийской империи внесли российские учёные XIX века, занимавшиеся проблематикой церковного права, в частности А. С. Павлов, Н. С. Суворов, И. С. Бердников. Рассматривали византийскую модель взаимоотношений государства и церкви такие государствоведы, как Л. А. Тихомиров, Б. Н. Чичерин, Г. Ф. Шершеневич, К. П. Победоносцев. Не обошли своим вниманием эту тему и выдающиеся византиноведы XIX – нач. XX вв. Ф. И. Успенский, Ю. А. Кулаковский, А. А. Васильев, а также исследователи византийского государства (В. М. Грибовский) и права (Д. Азаревич). Достаточно детально проблему отношений церкви с государственной властью рассмотрел выдающийся историк византийской церкви Алексей Петрович Лебедев, некоторые её конкретные аспекты затрагивал И. И. Соколов. Собственно государственно-церковным отношениям посвящены труды профессоров Казанского университета и учеников И. С. Бердникова Ф. Курганова² и Н. А. Скабалановича³. Правда, обе работы ограничены строгими временными рамками: Ф. Курганов разобрал отношения государства и церкви только до правления императора Юстиниана включительно, а Н. А. Скабаланович в своём сочинении охватил только XI век. Именно дореволюционные российские исследователи на основе документальных источников пришли к выводу о существовании в Византии симфонии светской и государственной власти.

Что касается современных исследований отношений церкви и государства в Византии, то, в первую очередь, следует подчеркнуть, что основное внимание данной теме уделяется на Западе. Ей посвящали труды такие крупнейшие византинисты, как С. Рансимен (Runciman), Х.-Г. Бек (Beck), Ж. Дагрон (Dagron), Д.

² Курганов Ф. Взаимоотношения между гражданской и церковной властью в Византийской империи. Казань, 1880. 722 с.

³ Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2-х книгах. Периздано: СПб.: изд-во О. Абышко, 2004.

Геанакопλος (Geanakoplos), Д. Хассей (Hussey), Д. Найкол (Nicol) и другие. Все они склоняются к такому мнению, что в Византии церковь находилась в подчинении у государственной власти, т.е. господствующей теорией был цезарепапизм. Исключением из этой плеяды исследователей является протоиерей Иоанн Мейендорф (Meyendorff) (1926–1992), который в своих трудах, посвящённых истории церкви и вопросам христианской догматики, проводит мысль о церковно-государственном союзе в Византии. Проблемам византийского законодательства вообще и церковного законодательства в частности уделяли внимание такие западные правоведы, как Д. Зимон (Simon), М. Т. Фэген (M. T. Fögen), Д. Локин (J. H. A. Lokin), А. Шминк (Schminck), и другие.

В советское время, несмотря на расцвет византиноведения в 1960–1980-е годы, церковно-государственные отношения остались в стороне от внимания учёных. Исключением являлась лишь социальная и экономическая составляющая данной проблемы, а именно монашество и церковная собственность, точнее вопросы церковного землевладения. Указанные темы освещены в работах А. П. Каждана, М. А. Поляковской и других. Кстати, нужно отметить, что эти вопросы не были обойдены и европейскими византинистами (П. Каранис (Charanis), А. Лайу (Laiou)). Кроме того, проблема отношений церкви и государства в советское время затрагивалась в общих трудах по истории Византии (М. Я. Сюзюмов, Г. Л. Курбагов) и по истории византийской культуры (А. П. Каждан, В. В. Бычков, М. А. Поляковская). К сожалению, вопросами византийского права вообще и, в незначительной степени, церковного законодательства в нашей стране занимались только Е. Э. Липшиц и И. П. Медведев, который в своей недавней монографии целый раздел уделил проблеме соотношения закона и канона в Византии⁴.

В настоящее время интерес к изучению церковно-государственных отношений в Византийском государстве значительно возрос. Их не обходят вниманием ни современные историки церкви (протоиерей В. Асмус, А. Дворкин), ни правоведы (А. Рудоквас, А. Новиков, А. Муравьёв), ни византиноведы (И. Чичуров). В современной России переиздаются работы, впервые увидевшие свет, хотя и на русском языке, но на Западе (А.

⁴ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: «Алетейя», 2001.

Карташев, А. Шмеман). Наконец, появились монографии, целиком посвящённые вопросам взаимодействия светской и духовной власти как в России, так и в Византии (А. Николин, А. М. Величко).

Однако несмотря на широкий интерес к теме и обширную библиографию, проблему церковно-государственных отношений в Византии нельзя считать до конца раскрытой и хорошо изученной, поскольку то выявляются источники, позволяющие по-новому взглянуть на неё, то возникает очередная дискуссия о византийском цезарепапизме. Что же касается такого ракурса проблемы, как эволюция отношений церкви и государства в законодательстве императоров, то в данном ключе она не рассматривалась вообще. Настоящее исследование предпринято для того, чтобы попытаться восполнить этот пробел.

Научная новизна исследования определяется тем, что в работе впервые в отечественной историко-юридической науке прослеживается эволюция церковно-государственных отношений в Византии с позиций императорского законодательства. Анализ правотворческой деятельности позволил выявить основные этапы развития отношений государства и христианской церкви. На первом этапе в правление Константина Великого христианство получает равные права с другими религиями, затем наделяется преемниками Константина I определёнными привилегиями, и только в конце IV в. при Феодосии I Великом христианство становится государственной религией Византийской империи. В рамках данного диссертационного исследования впервые предпринята попытка выявить причины, по которым Юстиниан формулирует концепцию симфонии церковно-государственных отношений. В настоящей работе также приводятся доказательства того, что цезарепапизм, традиционно вменяемый в вину византийским императорам является не правилом, а исключением. Если императоры IV – начала VI вв. вмешивались в решение вопросов веры, исполняя функции *pontifex maximus*, которыми *de jure* являлись до 375 г., а *de facto* ощущали себя значительно дольше, то императоры постюстиниановской эпохи воспринимали церковь, как самостоятельный институт, и их идеалом в отношениях с нею стал принцип симфонии. Если же на практике они отходили от его соблюдения, то подвергались критике со стороны как духовенства, так и других слоёв населения.

Наконец, в исследовании опровергается положение о том, что император в Византии являлся главой не только государства, но и церкви, и в этой связи оспаривается традиционное понимание так называемой «византийской теократии».

Поскольку большинство императорских законов относительно церкви вплоть до настоящего времени не переведены с латинского и греческого языков на русский, представленные в тексте исследования переводы, принадлежащие автору, позволяют говорить о вводе в научный оборот новых источников.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В теоретических воззрениях на проблему церковно-государственных отношений церковь, сложившаяся как независимый институт, проходит через этапы пребывания над- и подгосударственности, вновь становясь самостоятельным институтом.
2. Константин Великий (306–337), уравнивший христианство с другими религиями, и его преемники (337–379), за исключением Юлиана Отступника (361–363), предоставляли христианской церкви дополнительные привилегии. Но они занимались вопросами веры лишь постольку, поскольку носили титул *pontifex maximus*, и считали себя обязанными в качестве верховного жреца контролировать духовную жизнь подданных;
3. Став единой государственной религией при Феодосии Великом (379–395), христианство способствовало сплочению империи. Для сохранения её целостности правители V в. принимали антиеретические и антиязыческие законы, вводили новые привилегии для христианской церкви, и действовали, в основном, исходя из интересов государства, не отделяя свою церковную политику от государственной, *de facto* оставаясь *pontifex maximus*.
4. Статус христианства как государственной религии подтверждается императором Львом I (457–474), который сопровождает свой приход к власти церковным обрядом венчания на царство, получая, таким образом дополнительную легитимацию власти и право вмешиваться в решение религиозных вопросов.
5. Императоры IV – начала VI веков, вплотную столкнувшись с религиозными проблемами, предпринимали различные попытки

их решения: от компромиссных соглашений до вооруженного вмешательства и репрессий. Руководствуясь лозунгом: «религиозный мир ради политической стабильности», они могли вмешиваться и в вопросы вероучения. Не проводя различия между духовной и материальной сферами жизни, императоры от Константина Великого до Юстина I (518–527) считали себя ответственными и за ту, и за другую;

6. Разграничение полномочий между церковной и светской властью на законодательном уровне произошло при Юстиниане Великом (527–565), который, преследуя цель восстановить единую Римскую империю, отделил фигуру императора от религиозных споров, распределив функции царства и священства и провозгласив их взаимное сотрудничество (симфонию) в главном деле – сохранении благосостояния «Рима и римлян».
7. В течение VI–VII вв. византийским императорам пришлось столкнуться с внешнеполитическими проблемами, оказавшимися тесно связанными с религиозными. От решения последних зависел исход первых. Преемники Юстиниана I приложили немало усилий, чтобы сохранить в отношениях с церковью принцип симфонии. Впрочем, попытки ухода от него и навязывания кем-либо из императоров своей воли приводили к плачевным для них самих и для империи последствиям и пресекались либо константинопольским патриархом, реально ставшим вторым лицом в стране, либо обладавшим сильным влиянием римским папой, либо самим населением;
8. Самое серьёзное нарушение концепции симфонии властей допустили в VIII – начале IX вв. императоры-иконоборцы, вмешивавшись в вероучительную деятельность церкви, пытаясь поставить её под контроль государства, но в полном объёме их попытки не увенчались успехом. Цезарепапизм в период иконоборчества выразился лишь в отдельных проявлениях, но не стал господствующей концепцией государственно-церковных отношений в Византии, а церковь осталась самостоятельным организмом, не подчиняющимся воле императоров.
9. Правовые акты IX – начала X веков окончательно утвердили в церковно-государственных отношениях Византии концепцию

симфонии властей, которая просуществовала до падения империи и была заимствована другими государствами вместе с православной религией.

Научная и практическая значимость работы состоит в том, что она представляет собою комплексное исследование проблемы церковно-государственных отношений с возникновения теорий этих отношений до определения их типов на практике. На примере Византии показано создание и реализация концепции симфонии церковной и светской власти, а также особенности так называемой «византийской теократии». С учётом современных реалий историко-правовой опыт Византии может быть использован в законотворческой деятельности при определении подходящей модели взаимоотношений государства и церкви в настоящее время в России.

Основные выводы диссертации и материал, собранный в ней, могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин историко-правового и государственно-правового цикла, а также являются вкладом в научные исследования по истории Византии, истории византийского права, при изучении церковного права.

Апробация результатов исследования.

Настоящая диссертация подготовлена на кафедре истории государства и права Уральской государственной юридической академии. Основные положения работы отражены в публикациях автора и излагались в докладах и сообщениях на различных конференциях, а именно: научной конференции, посвящённой 2000-летию христианства «История церкви: изучение и преподавание» (Екатеринбург, 22–25 ноября 1999 г.), научно-богословской конференции «Династия Романовых в истории и культуре России» (Екатеринбург, 19–21 июля 2000 г.), международной конференции «Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений» (Самара, 14–15 мая 2001 г.), историко-правовых чтениях «Государственно-правовые идеи, институты и учреждения России в XIX – начале XX вв.» (Саратов, 17 февраля 2003 г.), Уральских историко-юридических чтениях (всероссийской научной конференции) «Формы государства: исторические измерения и оценки» (Екатеринбург, 16–18 апреля 2004 г.), международной конференции «История парламентаризма. К столетию Государственной Думы России» (Самара, 19–20 мая 2006 г.). Материалы исследования

использовались автором при чтении курса лекций и проведении семинарских занятий по истории государства и права зарубежных стран, по истории политических и правовых учений, по истории отечественного государства и права, руководстве студенческими научными докладами в Уральской государственной юридической академии.

Структура исследования связана, во-первых, с комплексным подходом к изучению церковно-государственных отношений, как с теоретической, так и с практической позиций, во-вторых, с основными этапами эволюции взаимоотношений церкви и государства в Византии в IV – начале X веках. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его цели и задачи, объект и предмет, обосновываются хронологические рамки исследования, показывается методологическая основа работы, характеризуется её нормативно-правовая база, приводится анализ разработки данной темы в науке, указывается новизна исследования, его научная и практическая значимость. Также приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава представленной работы: «**Основные модели церковно-государственных отношений. Особенности византийской модели. Правовая база церковно-государственных отношений**» является теоретической. Её задача – обозначить проблему церковно-государственных отношений. В начале главы говорится о причинах возникновения данной проблемы, затем приводятся примеры попыток её решения выдающимися мыслителями своего времени: Аврелием Августином, Фомой Аквинским, Мартином Лютером. Анализ их взглядов, а также представлений, сложившихся в более позднюю эпоху, позволяет предположить, что в теории церковно-государственных отношений христианская церковь, начавшая существовать как независимый институт, проходит через

этапы её над- и подгосударственности и вновь становится самостоятельным институтом. Здесь подчёркивается, во-первых, экстерриториальный характер церкви, во-вторых, её особые, отличающиеся от государственных, цели и задачи, в-третьих, нерешённость проблемы отношений церкви и государства в теории. Их сложившиеся взаимоотношения на практике, как правило, делятся на три типа: цезарепапизм (государство подчиняет церковь своей власти), папоцезаризм (церковь контролирует деятельность государства), симфония (союз государственной и церковной власти). Последняя модель стала определяющей в церковно-государственных отношениях Византийской империи. Это взаимодействие проявилось во всех сферах власти – исполнительной, судебной, законодательной. Так, в исполнительной власти сотрудничество выразилось в участии церкви в государственных делах, а государства – в церковных. Сюда же относится участие императора в выборах патриарха и обряд венчания на царство, осуществляемый патриархом. Одним из проявлений взаимодействия в судебной власти явилось право епископа быть третейским судьёй в гражданских тяжбах и осуществлять своего рода прокурорский надзор за провинциальной администрацией. В законодательной сфере симфония властей проявилась в согласовании закона и канона – церковного правила. Так, Юстиниан I *de jure* придал канонам статус гражданских законов, за нарушение которых полагались государственные санкции.

Наличие столь плотного сотрудничества церковной и светской власти ставит вопрос о существовании теократии в Византии. Для ответа на него даётся определение термина «теократия» и рассматривается правомерность его применения по отношению к Византии. Автор приходит к выводу, что в силу разграничения сфер деятельности светской и церковной власти, теократии в Византии не существовало. Одновременно возникает вопрос о форме правления в этом государстве. Исследователь указывает, что Византийская империя являлась монархией, в которой власть императора была *de facto* ограничена православной церковью, канонами, обычаями, моралью, возможностью сопротивления подданных.

Собственно правовую базу церковно-государственных отношений в Византии составили нормы как государственного, так

и церковного (канонического) права, одним из источников которого стало законодательство императоров по религиозным вопросам. В настоящей главе отмечается, во-первых, что в вопросы внутрицерковной жизни правители стали вмешиваться только после придания христианству статуса государственной религии, во-вторых, что не все эдикты императоров становились канонами, а лишь те, которые одобрялись собором епископов. Как бы то ни было, именно от императоров зависел статус церкви в государстве и форма отношений между государством и церковью. Анализ императорского законодательства позволяет проследить эволюцию, которую претерпевали отношения между государством и церковью на протяжении византийской истории с IV по X века. Этому анализу посвящаются следующие две главы настоящего исследования. Построенные по хронологическому принципу они подтверждают, иллюстрируют и детализируют положения I главы.

Глава 2 «Церковно-государственные отношения в законодательстве византийских императоров IV – первой половины VI вв. Становление христианства как государственной религии в IV–VI веках (от Константина I до Юстиниана I)» состоит из трёх параграфов. В первом – «Церковная политика Константина Великого» – речь идёт о начальном этапе изменения положения христианской религии и церкви в Римском государстве. Подробно описывается принятие Миланского эдикта 313 г., который провозгласил равенство христианства с другими религиями и запретил преследование лиц, его исповедовавших. Но христианская религия после данного события отнюдь не получила статус государственной, хотя определённые привилегии ей были предоставлены. В частности, церковь приобрела имущественную правоспособность. Так, законом 321 года Константин Великий утвердил за церковью право приобретать недвижимое имущество и владеть им, благодаря чему она стала принимать в свое владение имущества от ревностных христиан в основном по духовным завещаниям. Закон 321 г. разрешил также делать всевозможные вклады в христианские церкви. Христианским общинам по распоряжению Константина I возвращалось их прежнее имущество, кроме того, церковь была освобождена от ежегодных податей, *tributum* и *annona*. По сути, благодаря законам 313–337 гг. церковь получила права юридического лица.

Особые привилегии получили и священнослужители: согласно закону от 319 года они были освобождены от поголовной или личной подати, от военной повинности, от обязательного прохождения общественных должностей, по закону 333 г. были расширены полномочия епископских судов. Более того, Константин Великий принял непосредственное участие в решении внутрицерковных проблем, созвав в 325 г. Первый Вселенский собор – съезд епископов из разных регионов империи для достижения согласия в некоторых вопросах догматики. Но сам Константин не участвовал в назначении священнослужителей, а церковная организация не выполняла функции регистрации браков, рождения и смерти и, несмотря на привилегии, особого статуса не получила, не было и финансирования христианской церкви со стороны государства. Иными словами, христианство не стало официальной религией Римской империи. В заключение параграфа делается вывод о прагматичности религиозной политики Константина I и о синкретичном характере его веры, который проявился в стремлении почитать всех богов, в том числе и христианского, лишь бы это приносило пользу империи. Тем самым он продолжал осуществлять полномочия великого понтифика, верховного жреца, полученные вместе с приходом к власти. Впрочем, личным принятием христианства Константин Великий подчеркнул своё особое отношение к этой религии и задал соответствующую тенденцию своим преемникам.

Их религиозная политика детально рассматривается во **втором параграфе**: «Эволюция церковно-государственных отношений в законодательстве императоров IV – нач. VI вв. (337–527 гг.)». Показывается, что ближайшие преемники Константина (Констанций (337–361), Иовиан (363–364), Валентиниан I (364–375), Валент (364–378), Грациан (375–383) и Валентиниан II (375–392) в своей законодательной деятельности продолжали возвеличивать христианство, одновременно ведя борьбу с язычеством. Исключение в этой цепочке составляет император Юлиан (361–363), который ради выгод империи и своего величия решил прибегнуть к «помощи языческих богов». Его реформы были обречены на неудачу, поскольку, консолидирующаяся вокруг единого императора империя нуждалась в соответствующей идеологической поддержке, а именно, в монотеистической религии, сплачивающей адептов вокруг одного, а не нескольких богов.

Значительное внимания уделено церковному законодательству

Феодосия Великого (379–395). Именно при нём христианство, причём определённого направления, получило статус государственной религии. Согласно эдикту 380 г., только те, кто исповедовал Никейский символ веры, считались католическими (вселенскими) христианами; все же прочие объявлялись еретиками и должны были подвергнуться строгим наказаниям как со стороны церкви, так и со стороны государства. За время своего правления Феодосий I издал 17 законов против ересей. То есть охрана никейского вероучения возводилась в ранг государственной политики, а борьба с инакомыслием превратилась в функцию государства, что стало важнейшим шагом на пути превращения христианства в государственную религию. Впрочем, в своей церковной политике Феодосий Великий в большей степени исходил из государственных интересов: ереси в церкви подрывали мир внутри страны, значит, необходимо было их уничтожить; многочисленные иммунитеты церкви лишали казну значительных поступлений, потому и подлежали ограничению; государственным должникам, также разорявшим казну, было запрещено искать спасения от долгов в церквях. Столь активная церковная политика императора не могла не вызвать его обвинения в цезарепапизме. Но цезарепапистским наклонностям Феодосия нашлось противодействие в лице епископа Амвросия Медиоланского (340–397), который применил новое воздействие на императора – отлучение его от церкви. Этот поступок епископа придавал государственно-церковным отношениям новую окраску и означал, что церковь стала самостоятельным институтом в государстве и выступала как значимая политическая сила. Более того, политика церкви становилась частью государственной политики: император уже не мог заботиться об империи, не заботясь также о единстве церкви: разделённая церковь означала бы и разделённую империю. Поэтому в законодательстве о религии императоров Аркадия (395–408) и Гонория (395–423) выделяются три направления: борьба с язычниками, борьба с еретиками, права и привилегии духовенства. Действовали они также исходя из интересов государства. Для сохранения его целостности императорам приходилось заниматься организацией церковных соборов, задачей которых было предотвращение раскола в церкви. С этим напрямую столкнулись Феодосий II Младший (408–450) и Маркиан (450–457), при котором состоялся IV Вселенский (Халкидонский) собор 451 г., имевший

важное значение как для догматики, так и для политики – его последствия оказали влияние на деятельность всех византийских императоров в конце V – VI вв.

Среди императоров V в. выделяется Лев I (457–474), подкрепивший свой приход к власти церковным обрядом венчания на царство. Причины и значение этого события также рассматриваются в настоящем исследовании. Преемники Льва I: Зенон (474–491), Анастасий I (491–518) и Юстин I (518–527), вплотную столкнувшись с религиозными разногласиями, пытались разрешить их различными способами: от компромиссных соглашений до вооруженного вмешательства и репрессий. Некоторые из них (Зенон) вмешивались и в вопросы вероучения. Но в этом проявлялось не столько желание подчинить своей власти церковь и поставить её под свой контроль, сколько стремление добиться политической стабильности, устранив нестабильность религиозную. Можно сказать, что лозунг: «религиозный мир ради политической стабильности» был девизом всех императоров на протяжении двух столетий от Константина Великого до Юстина I. Не отделяя духовную и материальную сферы жизни, приняв на себя ответственность и за ту и за другую, они не разграничивали полномочий между церковной и светской властью на законодательном уровне.

Такого рода разграничение произошло при Юстиниане Великом (527–565), религиозное законодательство которого анализируется в **третьем параграфе** «Юстиниан I и оформление церковно-государственной доктрины».

Во-первых, отмечается, что руководящим началом политики Юстиниана являлось восстановление Римской империи в границах I–II веков. Опорой политического единства должна была стать единая христианская вера подданных, единая церковь. Следовательно, распри внутри церкви подрывали и единство империи, олицетворением которого являлся император. Для того чтобы отстранить фигуру императора от участия в этой борьбе, Юстиниан произвёл разделение полномочий «царства» – императорской власти и «священства» – церковной власти. Законодательно это было оформлено в предисловии к VI Новелле, текст которого приводится в переводе соискателя. Из него следует, что царство (βασίλεια) заботится о делах человеческих, т.е. императоруверяются сугубо политические функции, в первую

очередь, сохранение мира в единой империи, а священство (ιερωσύνη) служит делам Божественным, т. е. сохранение мира в церкви перекладывается на плечи духовенства. При этом если «священство» «беспорочно... и с искренностью к Богу сопричастно», а «царство» «подобающим образом вверенное ему государство приводит в порядок», между ними устанавливается согласие (συμφωνία) на благо человечеству (Nov. 6, preface). Особо подчёркивается добровольность отказа Юстиниана отвечать за духовную сферу жизни подданных, а тем самым и от цезарепапизма. Итак, отделив идеологическую сферу от политической, Юстиниан снял с фигуры императора вину за церковные распри и фактически изъясил из его обязанностей исполнение функций pontifex maximus. Но благодаря союзу двух властей император не отстранялся от религиозных дел, по-прежнему принимая в них активное участие. Именно концепция симфонии властей стала ведущей в церковно-государственных отношениях Византии.

Во-вторых, указывается, что все направления деятельности Юстиниана Великого были связаны друг с другом и с его религиозной политикой. Юстиниан, говоря о завоевании Африки, считал себя орудием, посредством которого Бог отомстил вандалам - еретикам за поругание своей церкви (Cod. J.I. 27. 1 pr.1.6). В новелле, изданной после покорения Африки, Юстиниан высказал пожелание, чтобы Бог дал ему силы освободить и другую страну (Италию) от господства ариан (остготов). Чтобы сохранить такие важные для государства провинции, как Египет и Сирия с Палестиной, Юстиниану следовало определить политику по отношению к проживающим там монофизитам. Для этого был созван V Вселенский собор, на некоторое время восстановивший единство в церкви. Указанные мероприятия отнюдь не противоречили обозначенному Юстинианом разделению полномочий «царства» и «священства», поскольку проводились они, в первую очередь, в политических целях – объединения империи.

Обвинения в нарушении принципа симфонии и попытке поставить церковь под свой контроль император получил за обширное церковное законодательство. Из 177 его Новелл около 30 посвящено делам церкви, в том числе и внутренним. Характеристика некоторых Новелл содержится в данном параграфе.

Наконец, ставится вопрос ещё об одной проблеме, возникшей в византийском обществе – соотношения закона и канона. Юстиниан попытался разрешить её законодательно, придав канонам ту же силу в государстве, которую имеют гражданские законы. При оценке церковной политики Юстиниана в целом главной его заслугой называется оформление концепции симфонии и указывается, что многие его планы не были реализованы.

Глава 3 диссертационного исследования: «Эволюция церковно-государственных отношений в VI – нач. X вв. (от Юстиниана I до Льва VI). Законодательное оформление официальной концепции церковно-государственных отношений» включает в себя **четыре параграфа**.

Первый параграф «Имперская церковная политика в 565–717 гг.» можно условно разделить на две части, одна из которых посвящена правлению ближайших преемников Юстиниана (Юстина II Младшего (565–578), Тиверия II (578–582), Маврикия (582–602) и Фоки (602–610)), другая охватывает время правления императоров Ираклийской династии (610–711) и Смуту 711–717 годов. Главным делом преемников Юстиниана стало сохранение границ воссозданной им империи, при этом вопросы внешней и так называемой церковной политики оказались столь тесно связаны между собою, что без решения религиозных проблем сохранить наследие Юстиниана не представлялось возможным. Самой серьёзной была восточная проблема. Под власть Персии перешли богатейшие провинции империи – Сирия, Палестина, Египет. При этом их преимущественно монофизитское население не оказывало серьёзного сопротивления завоевателям вследствие их веротерпимости. Чтобы привлечь на свою сторону жителей этих территорий, императорам пришлось искать способ их примирения с православными (халкидонитами), к которым относилось большинство населения империи. В частности, император Ираклий (610–641), возвративший восточные провинции под эгиду империи, проблему взаимодействия с местным населением попытался решить с помощью Ἐκθεσις' а – «Изложения веры». Правда, его принятие лишь усугубило ситуацию, так как привело к появлению новой ереси – монофелитства, бороться с которой пришлось внуку Ираклия – Константу II, также издавшему вероисповедный указ – «Типос» (τύπος) – «Образец веры». В какой-то степени религиозный мир в империи восстановить удалось, но уже в VII в.

монофизитские провинции были завоеваны арабами, и примирительная политика потеряла свою актуальность.

Непростые отношения сложились у Византийской империи и с западными провинциями, а именно с Римом. Виной тому послужили религиозные разногласия с папским престолом по тем или иным вопросам. Главное из них корнями уходит к Халкидонскому собору, 28-е правило которого уравнивало по статусу Константинопольского и Римского епископов, что вызвало протест со стороны пап. Недальновидная, подчас жестокая политика императоров по отношению к римскому папе, который становился едва ли не единственным институтом, спланивающим собственно Romanitas в единое целое, приводила к постепенному отделению Рима от Византийской империи (Константинополя). При этом папы, не желая попасть под влияние василевса, нередко сами шли на конфликт.

В настоящем параграфе подробно описаны сложные взаимоотношения императоров Фоки (602–610), Ираклия (610–641), Константа II (641–668) и Юстиниана II (685–695) с папским престолом.

Несмотря на непосредственное вмешательство императоров в дела веры, нельзя сказать, что они отступили от принципа симфонии в отношениях с церковью. Подтверждением является то, что догматические споры решались на церковных соборах, авторами вероучительных актов являлись, как правило, первоиерархи церкви. Попытки навязывания кем-либо из императоров своей воли приводили к негативным последствиям и пресекались либо константинопольским патриархом, реально ставшим вторым лицом в стране, либо обладавшим сильным влиянием римским папой, либо самим населением. Изменения в отношениях государства и церкви связаны с политикой императоров-иконоборцев, которой посвящены следующие параграфы настоящей главы.

Второй параграф «Церковная политика императоров в первый период иконоборчества (717–780)» затрагивает правление Льва III (717–740), Константина V (740–775) и Льва IV (775–780). Период с 717 по 867 гг. в истории Византии получил название «иконоборческий» от того, что общественная жизнь в это время так или иначе зависела от иконопочитания и направлялась состоящими в борьбе партиями почитателей икон и противников почитания

икон (иконоборцы). Параграф начинается с характеристики вышедшей в 726 г. Эклоги⁵ – первого официального законодательного сборника после *Corpus Juris Civilis*. Хотя преамбулу свода часто рассматривают, как предвестие последующих событий, в самом тексте Эклоги нет и намёка на иконоборчество. Некоторые положения подтверждают статус христианства, как государственной религии. Ряд статей защищает монашество (тит. VIII, ст. 4), церковно-монастырскую собственность (тит. XII, ст. 4), наказывает за преступления, затрагивающие авторитет и святость религии (тит. XVII, ст. 2), карает за отступление от православия (тит. XVII ст. 6) и исповедание другой религии (тит. XVII, ст. 52) Если совершённое преступление имело отношение к храму, священнослужителям или монахам, оно наказывалось более сурово. Членовредительские наказания грозили за нарушение запрета на брак между лицами, находящимися в духовном родстве (тит. XVII ст. 25, 26). Наказаний за почитание икон Эклога не предусматривала. Первые иконоборческие мероприятия Льва III проводились после её издания. В 726 г. и 730 г. появились эдикты против икон, вызвавшие активный протест в западных провинциях (в Италии) – римский папа Григорий III (731–741) осудил иконоборчество и отлучил иконоборцев от церкви. В ответ на это в 731 г. Лев III издал два закона, ограничивавших права римской церкви, в том числе передававших ряд подконтрольных ей территорий константинопольскому патриархату. Эти меры нанесли серьёзный удар римской церкви вообще и папе в частности, вследствие чего отношения Константинополя с Римом ухудшились.

Константин V в продолжение иконоборческих мероприятий отца в 754 г. созвал церковный собор, осудивший иконопочитание и предписавший наказывать иконопочитателей по гражданским законам. Гонения продолжались в 761 г. – 765 гг., затронув, в первую очередь, монахов, многих из них заставляли жениться, некоторых сослали, были и приговорённые к смерти. Монастыри

⁵ Полное заглавие законодательного свода – «Избранные законы – Эклога (Ἐκλόγη τῶν νόμων), составленные в сокращении Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми (нашими) императорами, из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл — конституций великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия; опубликованы в месяце марте девятого индиктиона в году от сотворения мира 6234 // Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вст. статья, перевод, комментарий Е. Э Липшиц, М., 1965.

либо разрушались, либо использовались для светских нужд. Новые пострижения в монашество были запрещены. Сжигались книги, относящиеся к монашеской жизни. За этой борьбой вопрос об иконах отступил на второй план. Хотя преемник Константина V Лев IV был сторонником иконоборчества, его правление стало временем некоторого успокоения во внутренней жизни империи.

Анализ церковной политики императоров-иконоборцев показывает, что они отошли от выработанной Юстинианом концепции симфонии, и своим вторжением в церковные догматы, унижением духовенства, вмешательством во все церковные дела проявили себя сторонниками идей цезарепапизма. По-видимому, такой политике всё же было оказано сопротивление, поскольку в дальнейшем тактика императоров изменилась.

В третьем параграфе «Политика императоров в отношении церкви в 780–867 гг.» из десяти императоров, бывших на престоле, подробно характеризуется церковная политика императрицы Ирины (775–802), восстановившей иконопочитание через проведение в 787 г. VII Вселенского собора, Льва V (813–820), вернувшегося к иконоборчеству, Михаила II (820–829), провозгласившего свободу вероисповедания, Феофила (629–642), чьё правление оценивается как самое жестокое во втором периоде иконоборчества и регентши при малолетнем Михаиле III (842–867) – императрицы Феодоры, имя которой связано с так называемым Торжеством Православия – собором 843 г., окончательно восстановившим иконопочитание.

На наш взгляд, главной причиной успешного восстановления иконопочитания явилось то, что в народном сознании оно и не исчезало. Большинство иконоборческих мероприятий было вызвано, в первую очередь, политическими причинами. Догматические же дискуссии стояли на втором плане. Более ста лет политика государства по отношению к церкви зависела от личных убеждений императоров, от их политических притязаний и, в какой-то степени, от государственных интересов. При этом в среде высшей гражданской и церковной администрации и до и после реформы встречались одни и те же имена. Это означает, что и те, и другие чиновники придерживались конформистской позиции, предпочитая вовремя раскаться в «неверных» воззрениях, чем потерять занимаемый пост, меняя свои взгляды не по убеждению, а из-за страха или честолюбия. В целом же церковная политика

императоров-иконоборцев не затронула внутренней сущности религии. И как бы они ни пытались подчинить церковь своей воле, в полном объёме им этого сделать не удалось. Следовательно, цезарепапизм в период иконоборчества выразился лишь в отдельных проявлениях, но не стал господствующей концепцией государственно-церковных отношений в Византии, и церковь осталась самостоятельным организмом, не подчиняющимся воле императоров. Даже в некоторых случаях решающим фактором легитимации власти правителя становилась поддержка со стороны церкви.

В начале IX в. церковь в Византийской империи стала реальной политической силой. Как первоиерархи (патриарх Тарасий), так и значимые фигуры в церковной жизни (игумен Феодор Студит) принимали непосредственное участие в делах государства. Не последнюю роль в этом сыграла позиция римского папы, который выступал в роли арбитра в спорах иконопочитателей и иконоборцев. Доказательством укрепившейся позиции церкви стало законодательное закрепление её места и роли в обществе.

В четвёртом параграфе: ««Исагога» («Эпанагога») и «Василики» – законодательное воплощение идеала церковно-государственных отношений» анализируются законы императоров Македонской династии – Василия I (867–886) и Льва VI Мудрого (886–912), принятые в результате программы «очищения древних законов» (*ἀνακάθαρσις τῶν παλαιῶν νόμων*).

Церковно-государственные отношения подробно обрисовывает составленная в 885–886 гг. «Исагога», в которой утверждалась идея, что император и патриарх являются не представителями разных властей, государственной и церковной, а двумя главами единого церковно-государственного организма, а мир и благоденствие подданных зависят от единомыслия и согласия царской и патриаршей власти.

Функции и полномочия императора (титул II) и патриарха (титул III) строго разграничены. Глава светской власти обязан заботиться о материальном благополучии своих подданных, глава церкви – о духовной их жизни. При этом они не только действуют согласованно, но и в какой-то мере сдерживают и ограничивают друг друга. Так, император правит по законам, которые им издаются и истолковываются, но эти законы не должны противоречить канонам, следовательно, законодательная свобода

светской власти ограничивается церковными правилами. Василевс должен исповедовать те догматы, которые приняты церковью, при этом он должен их защищать и охранять их чистоту. Патриарху же принадлежит толкование догматов и канонов и на их основании управление церковью. Если принять во внимание, что подданные императора и паства патриарха – одни и те же люди, становится понятным, почему государство и церковь, согласно «Исагоге», образуют один организм. «Как человек состоит из души и тела, так и для государственного организма необходимы две власти: духовная и светская, т.е. император и патриарх; и как жизнь человеческая может быть правильной только тогда, когда душа и тело находятся в гармонии между собою, тело следует разумным велениям души, так и в государственном организме благополучие подданных и правильное течение их жизни могут быть только тогда, когда священство и императорство находятся в согласии между собою»⁶.

В отличие от «Исагоги» «Василики» церковно-государственным отношениям почти не уделили внимания. Только титул 3 книги V «О церковных канонах и законах» предписывал в случае противоречия между каноном и законом, следовать первому.

Анализируя Новеллы Льва VI, автор приходит к выводу, что они предусматривали как распределение функций между государством и церковью, так и тот союз, который сложился между ними, то есть подчёркивали симфонический тип церковно-государственных отношений, о котором писал император Юстиниан.

Законодательство императоров Македонской династии означало последнюю широкомасштабную правительственную инициативу в области права. Чётко сформулированное в Исагоге понятие государства и церкви как единого организма стало доминирующим в определении церковно-государственных отношений и оставалось таковым до конца существования империи. Наряду с идеалом симфонии оно было реципировано странами православной ойкумены вместе с христианизацией.

В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

⁶ Цит. по: Курганов Ф. Взаимоотношения между гражданской и церковной властью в Византийской империи... С. 70.

Основные идеи диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях:

1. Л. А. Тихомиров об отношениях церковной и государственной властей // Вестник Саратовской государственной академии права № 4 (37), 2003. С. 100 – 103. 0,4 п.л.

Публикации в других изданиях:

2. Двойные монастыри в Византии // Материалы научной конференции, посвящённой 2000-летию христианства «История церкви: изучение и преподавание» (Екатеринбург, 22–25 ноября 1999 г.). Екатеринбург: изд-во уральского госуниверситета, 1999. С. 274–277. 0,3 п.л.
3. Византийская концепция взаимоотношений царской и патриаршей власти и её реализация на Руси // Династия Романовых в истории и культуре России. Материалы научно-богословской конференции Екатеринбург, 19–21 июля 2000 г. Екатеринбург: Изд-во Академкнига, 2002 г. С. 62–66. 0, 3 п.л.
4. Правовое положение женщины в Византии. Российский юридический журнал. № 3, 2001. С. 93–98.
5. Правовое положение женщины в Византии (по материалам законодательных памятников VIII–XIV вв. // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений» (Самара, 14–15 мая 2001 г.), Самара: Кредо, 2001. С. 402–406.
6. Была ли Византия теократией? // Уральские историко-юридические чтения (всероссийская научная конференция) «Формы государства: исторические измерения и оценки» Екатеринбург, 16–18 апреля 2004 г. с. 55–58. 0,2 п.л.
7. Религиозная политика Константина Великого (историко-правовой аспект) (в соавторстве с Игнатенко А.В.) // Научные труды профессоров уральского института экономики, управления и права. Выпуск 3. Екатеринбург, 2006. С. 178–191. 0,6 п.л.

Подписано в печать . Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,63. Уч.-изд. л. 1,95.
Тираж 150 экз. Заказ № 101

Издательский дом
«Уральская государственная юридическая академия».
620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23
Тел. 375-58-31, 374-32-35

Отдел дизайна и полиграфии
Издательского дома
«Уральской государственной юридической академии».
620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

